

АКТУАЛЬНОСТЬ ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

В статье речь идет о парадоксальной ситуации современности: «когда эстетики как таковой уже нет, нет ничего, что бы не было эстетикой». Глобальный мир подвержен угрозам, которые ставят под сомнение самую возможность будущего человеческой цивилизации, это угрозы терроризма, экологических катастроф, экономических и военно-политических кризисов. Автор утверждает, что основная причина нестабильности планетарного мира – ментальные процессы, происходящие в аксиосфере, активно управляемые эстетическим инструментом воздействия на интуитивно-чувственную сферу сознания индивидов, «толп» и «племен». Образование, ориентированное целями мировоззренческой, нравственно-эстетической подготовки – универсальный способ реализации экологии сознания.

Ключевые слова:

аксиосфера, классическая традиция, ментальные процессы, онтология эстетического, современность, сознание, социодинамика, цели образования, цивилизация, экология сознания.

Валицкая А.П. Актуальность эстетического и проблема сознания // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 3. – С. 37–40.

© Валицкая Алиса Петровна – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: avalitskaya@mail.ru

Ментальные процессы (от лат. mens – ум, мышление, образ мысли, дух), которыми определяются действия индивидов и сообществ, будь то религиозные экстремисты, толпа мигрантов, футбольных болельщиков или финансово-экономическая элита, развиваются в глубинах коллективного бессознательного и с трудом поддаются рациональному анализу. Однако именно в них «пружина» и генезис социокультурной, цивилизационной и политико-экономической динамики. Современность характеризуется тотальностью эстетических форм, которые активно работают в политике и спорте, рекламе и шоу-бизнесе, в коммуникативном пространстве СМИ и интернета, в организации массовых праздников, шествий, олимпиад и фестивалей.

Парадоксальность ситуации в том, что эстетика – наука о прекрасном и бескорыстном любовании природой и искусством – оказалась «чужой» в этом прагматичном и жестоком мире конкуренции, пользы и денег, она ушла (не по собственной воле!) из образовательных программ высшей и средней школы. Без нее человек оказался безоружным, дезориентированным в хаосе информации, не способным различить манипулятивную агрессию идеологических воззваний, работающих на интуитивно-чувственном («предсознание») уровне в облике прекрасных, возвышенных, трагических целей. Понятно, что такой язык безотказно действует, в основном, на молодежь, с ее поиском смысла героического существования и интеллектуальной незрелостью в условиях социальной востребованности или, напротив, избыточного потребительского благополучия.

Пожалуй, сегодня есть смысл говорить, как минимум, о трех основных концепциях сознания: теологической, психо-физиологической и собственно-философской, имея в виду, что каждая из них, особенно последняя, содержит множественность подходов и гипотез. Собственно, в философии речь идет не о том, *как* работает сознание (это забота физиологов и психологов), а о том, *что* это такое. Философия с помощью психологии и нейрофизиологии стремится объяснить, как этот феномен вписан в природу, обнаружить самую возможность чувствовать и мыслить. Однако и в богословском, и в естественнонаучном, и в философском контексте сознание описывается как открытый и всегда неполный ряд функций, редуцируется к одной-двум из них, тогда как его генезис и онтология остаются дискуссионными.

Классическая традиция полагает сознание в качестве телеологической структуры, как некую систему высших способностей субъекта: разум, рассудок, мысль, суждение, которое инициировано принципом удовольствия/неудовольствия. В «Трансцендентальной эстетике» И. Канта речь идет об априорных формах чувственности (пространство и время), которые рассматриваются в гносеологическом ключе. И.Г. Фихте разумеет сознание тождественным самосознанию и говорит об эстетической способности, не называя ее таким именем: «Впервые через Я входят порядок и гармония в мертвую и бесформенную массу. Единственно через человека распространяется господство правил вокруг него до границ его наблюдения, и насколько он продвигает дальше это последнее, тем самым продвигаются дальше

порядок и гармония. Через Я утверждается огромная лестница ступеней от лишая до серафима, в нем система всего мира духов... Человек будет вносить порядок в хаос и план в общее разрушение, через него самое тленное будет строить, и смерть будет призывать к новой прекрасной жизни» [6, с. 488].

Таким образом, классическая традиция понимания сознания, была «по своей сути философией самосознания, приписывавшей сознанию телеологическую структуру, жизнь последнего протекала только в одном измерении – в измерении восприятия и представления, воспроизводимых рефлексивным сознанием субъекта». Существование заслуга К. Маркса, – полагает философ, – состоит в том, что он «впервые вводит сознание в область научного детерминизма, открывая его социальное измерение, его социальные механизмы». Признание социального генезиса сознания позволяет видеть его «археологические глубины», его многомерность и детерминированность «на уровнях механики социального, механики бессознательного, механики знаковых систем культуры и т.д... в разное время возникающих и по разным законам движущихся структур» [2, с. 219–221].

Однако в таком ракурсе сознание оказывается производным социума, его атрибутом, всецело зависящим от историко-культурных и экономических обстоятельств. Мамардашвили называет подход Маркса «безличностным (или редуکتивно-предметным) анализом сознания», отмечает, что «из схем Марксова анализа вытекают элементы целого ряда теорий: 1) теоретической модели социальной обусловленности сознания; 2) теории фетишизма и символики социального в сознании; 3) теории идеологии (социология знания); 4) теории науки и свободного духовного производства как особых форм деятельности сознания; 5) теории сознания как орудия личностного развития человека и его ответственности в сфере культуры и исторического действия. Как показала последующая история гуманитаристики, именно эти теории оказываются сегодня в поле исследовательских интересов.

Мамардашвили предлагает определить сознание как **уровень**, на котором синтезируются все конкретные психические процессы и для анализа феномена вводит такие понятия как «сфера сознания», «состояние сознания», «структура сознания». Тогда «сфера сознания», снимая субъект-объектную дихотомию, выступает как «метасфера», «универсальный метаобъект» по отношению к сферам научного, философского, метафизического, эстетического, этического рассмотрения [3, с. 38–40].

Иная позиция по отношению к проблематике сознания складывается в рамках феноменологии, которая предлагает *интенциональность* (направленность) в качестве его сущностной характеристики. При этом следует различать два «слоя»: первый слой – интенции (внутренние состояния), а второй – интенциональные объекты (внешний мир вещей). Эта онтологическая процессуальность схватывается понятиями (1) «поток сознания»; (2) возникающая, становящаяся в нем конструкция (смыслообразование); (3) суждение – как образованное, «ставшее».

Анализируя «сознание времени» (априорное эстетическое чувство, по Канту), Гуссерль вводит понятия «образное сознание» и «сознательная образность» [1, с. 158], тем самым утверждая онтологию эстетического.

Ж.-П. Сартр, развивая феноменологическую трактовку сознания, размышляет о природе образного мышления: «В ткани синтетических актов сознания временами появляются некоторые структуры, которые мы будем называть образными сознаниями. Они рождаются, развиваются и исчезают по своим собственным законам. И было бы серьезной ошибкой смешивать эту жизнь образного сознания, которое длится, организуется и распадается, с жизнью объекта этого сознания, который в течение этого времени вполне может оставаться неизменным». Образное сознание «носит спонтанный и созидательный характер; в ходе непрерывного созидания оно удерживает, утверждает чувственные качества своего объекта». Более того, «образ есть некое сознание» [4, с. 58], так в контексте экзистенциализма оказывается актуальной эстетическая редукция сознания.

В современной евро-американской философии один из наиболее влиятельных трендов – поиск фундаментальной теории сознания с помощью физики и теории информации. «Проблема сознания – беспокойная пограничная проблема, находящаяся на стыке науки и философии», – пишет американский философ и вводит термин «трудная проблема», который прижился в современной философии сознания, а также в психологии, нейронауке и квантовой физике. «Почти все в мире может получить редуktivное объяснение; но сознание может оказаться исключением, нужна нередуktivная теория сознания», – продолжает он и предлагает в качестве основания фундаментальной теории указание на тесную связь между сознанием и информацией. Поскольку «сознание является организационным инвариантом», для создания фундаментальной теории «надо поддержать бесколлпсную интерпретацию квантовой механики», и тогда

«имплементация (осуществление – А.В.) надлежащей компьютерной программы будет порождать сознательный ум» [10, с. 58].

Понятно, что Дэвид Чалмерс предпринимает попытку решения проблемы в позитивистском ключе, тем не менее, для прояснения взаимосвязи ментальных процессов и психо-физиологических реакций он вводит понятие «супервентность» (соотнесенность, согласованность), которое снимает доминанту физиологических состояний, оставляя свободу мысли и воли. «Материализм – это прекрасная и захватывающая картина мира, – пишет он, – но для объяснения сознания мы должны использовать дополнительные ресурсы». Таким ресурсом для него оказываются теория информации и квантовая механика. Конечно, в такой концепции сознания, претендующей на фундаментальность, нет места ни образу мышлению, ни продуктивному воображению, ни этическим ценностям, хотя в разделе «Принцип когерентности сознания и познания» автор, оставаясь в пределах физиологии, ведет речь об особенностях сенсорного восприятия пространства, музыки и цвета.

В 90-х годах прошлого века очень активно обсуждалась физиками и философами «теория суперструн», претендующая стать единой «теорией всего». Основная гипотеза состоит в том, что микро- и макромир имеют струнную структуру. «Я говорил о суперструнах со многими физиками, но ни один не помог мне понять, что такое суперструна. Насколько я могу судить, это не материя и не энергия; это какая-то древняя математическая «штука», генерирующая материю, энергию, пространство и время, но в нашем мире она ничему не соответствует». Тем не менее, «теория суперструн слишком красива, чтобы быть неправильной», но она очень уязвима, если ей приходится основываться на эстетических суждениях». И тогда «физики, работающие над теорией суперструн, больше не занимаются физикой, потому что их теории никогда не могут быть подкреплены экспериментами, а только субъективными критериями, такими, как элегантность и красота. Физике частиц грозит стать ветвью эстетики» [7, с. 114, 115].

Идея музыкальной природы мира, где творец – вселенский музыкант имеет давнюю историю от античности до средневековья. Клемент Александрийский называет создателя «божественным Орфеем»; у философов Ренессанса обнаруживается та же аллегория извечного маэстро, управляющего гармоничным оркестром мироздания. Играет ли Творец по нотам или импровизирует? – этот вопрос возникает в XX

веке, в ситуации постмодерна, когда рождаются концепции управляемого хаоса.

Кен Уилбер, влиятельный современный американский философ, предлагающий «целостно интегрировать сферы тела, разума и духа», полагает, что проект «сознание человека» возможен как «кросскультурное картирование всех состояний, структур, «мемов», типов, уровней, стадий и волн человеческого сознания». Так получится картина, «дополненная открытиями из области физических, биологических, культурных и духовных измерений», которая способна приблизить человечество к пониманию феномена сознания.

Ссылаясь на исследования Дона Бека и Криса Ковена, Кен Уилбер предлагает для характеристики состояний индивидуального и общественного сознания «спираль развития», которая представлена 8-ю волнами «мемов», обозначенных цветом. В этой динамичной модели учитывается и тип мышления на каждом уровне развития культуры определенного общества, и характер власти, и аксиосфера, и ценностные приоритеты. Так, на первых шести «уровнях существования», среда, тип власти, природные условия, определяют состояния сознания, но затем происходит «квантовый прыжок», – рождается «мышление второго порядка», сознание обретает возможность воздействия на окружающий мир, способность «ясно воспринимать весь спектр развития, ...мыслить в перспективе общей спирали бытия».

На седьмом (*желтом, интегративном*) уровне развития сознания «знание и компетентность должны заменить власть», открывая путь становлению восьмого мема (*бирюзовый, холистический*), то есть «универсальной холистической системе мирового порядка». Здесь человек обретает способность «распознавать гармонию» и творить ее. Как можно заметить, здесь эстетическая способность – высший уровень развития сознания.

Согласно этой модели, современное человечество (наиболее развитые страны, 40% населения) еще существует, в основном, на четвертой-пятой волне (*синий и оранжевый мем*). Однако некоторые индивиды уже совершили опережающий прыжок на восьмой уровень развития сознания (*бирюзовый, холистический*): это люди, обладающие универсальным системным мышлением, создатели «концепции ноосферы, трансперсональной психологии, теории хаоса и комплексности» [5, с. 20–29].

В декабре 2012 года Кен Уилбер со своими сотрудниками по Интегральному институту проводил в Москве семинары по интегральной духовности, недвойственным

практикам и интегральному лидерству. И вот выразительный фрагмент его обращения к российским философам: «Мы живем в очень требовательные и трудные времена, которые все же при этом являются временами беспрецедентных возможностей и оптимистических перспектив. В частности, впервые в человеческой истории мы стоим перед лицом возникновения подлинно холистического, целостного, или интегрального, сознания – то есть сознания, которое всевключаяще, всеобъемлюще, заботливо и всепронизывающе. <...> И вот всего лишь несколько десятилетий назад исследователи человеческого развития начали наблюдать эмерджентное возникновение в редких личностях нового типа сознания». Особенность русской культуры, полагает он, состоит в том, что Россия «строит культуру на оранжевом разуме, включая четыре квадранта – переживание, поведение, культура и социум» (имеется в виду философский синтез эстетического, нравственного, художественного и социального мировидения – А.В.), и в ее самосознании обнаруживаются интеграция всех уровней мировоззрения: архаическое, магическое, мифическое, рациональное, плюралистическое, интегральное и трансперсональное».

«Россия на самом деле имеет свою школу интегрального мышления, – полагает он, – и можно сказать, что определенные его принципы находятся глубоко в русской крови». Он называет далее Владимира Соловьева, С.Л. Франка и Сергея Булгакова, говорит об идеях «всеединства» и «софийности», которые определяют этот тип мышления и концепцию индивидуального сознания как микрокосма, органично и закономерно вписанного в макрокосм [5, с. 251–254].

Разумеется, это далеко не полный ряд отечественных философов, которые продуктивно размышляли о природе сознания в контексте онто-гносеологического единства бытия и сознания, строили кон-

цепции сознания/самосознания с его онтологически укорененной созидательно-творческой эстетической способностью. Примерно с конца семидесятых годов прошлого века, эта традиция в России активно возрождается сторонниками синергетической методологии. Так, С.С. Хоружий называет два «фундаментальных онтологических обстоятельства: дешнее бытие испытывает притяжение Личности; здешнее бытие связано с бытием Личности энергийной динамикой, которая предполагает свободу; ... древний аскетический принцип сотрудничества свободы и благодати, открытый на опыте в православном подвижничестве, был выражен в богословии посредством понятия синергия – и стал теперь центральным принципом нашей философии синергизма» [8, с. 135].

Методология синергетизма снимает субъект-объектную дуальность, полагает сознание органично вписанным в бытие энергийной динамикой свободы и благодати. С.С. Хоружий выводит принцип синергии из восточно-христианской традиции исихазма и священнобезмолвия, толкует об «энергийной, но не сущностной причастности тварного бытия Богу. «...Что будет с нашей философией, с нами, с нашей страной – вопрос нашего действия, нашего усилия, которое должно быть зрячим и трезвенным: синергийным» [9, с. 10].

Собирая фрагменты и осколки постмодернистской картины мира, именно эстетика, восстанавливая универсальность своего предметного поля, призвана возродить в сознании современников идею целостности бытия и созидательной роли сознания. Актуальность и важность восстановления учебного модуля эстетики диктуется жгучей необходимостью защиты сознания молодежи от манипулятивных технологий, спекулятивно работающих с сознанием на интуитивно-чувственном уровне, то есть в предметном поле эстетического.

Список литературы:

- [1] Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. Приложение XIII. – М.: РИГ «ЛОГОС, изд-во «ГНОЗИС», 1994. – 308 с.
- [2] Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
- [3] Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. – 320 с.
- [4] Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.
- [5] Уилбер К. Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности / Пер. с англ. Е. Пустошкина – М.: ПОСТУМ, 2013. – 256 с.
- [6] Фихте И.Г. О достоинстве человека. Сочинения в двух томах. Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
- [7] Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Пер. с англ. М. Жуковой. – СПб.: Амфора, 2001. – 479 с.
- [8] Хоружий С.С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. – 136 с.
- [9] Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Алетейя, 1994. – 448 с.
- [10] Чалмерс Д. Сознание и ум: В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В.В. Васильева. Изд. 2-е. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 512 с.